

УДК 378
ББК .74.58 У90

Учебное знание как основа порождения культурных форм в университетском образовании

Материалы научно-практ. конф. (Минск, 14-15 ноября 2000 г.)
Центр проблем развития образования БГУ
Под ред. М. А. Гусаковского.
Мн.: ЗАО "Пропилеи". 2001.- 360 с.

В сборник материалов включены тексты выступлений, материалы докладов и статьи участников научно-практической конференции "Учебное знание как основа порождения культурных форм в университетском образовании" ("Учебное знание. Университет. Культура").

Содержание обсуждений затрагивает актуальные проблемы философии, теории, социологии, методологии высшего образования.

Сборник предназначен для преподавателей высшей школы, ученых, аспирантов, слушателей курсов повышения квалификации, методистов и специалистов аппарата управления сферы образования.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (с. 7-9)

Философия образования

Д.Робертс. Европейский университет: вопросы и дилеммы (с. 10-20)

О.В.Долженко. Образовательное знание на пороге третьего тысячелетия (с. 21-38)

Н.И.Латыш. Сущность и основные направления развития современного гуманитарного знания (с. 39-46)

Н.И.Левко. Мыследеятельностный и социально-педагогический подходы к реализации культуротворческой парадигмы (с. 47-59)

Т.Н.Буйко. Основания учебного знания в поликультурном контексте: поиски философии образования (с. 60-73)

Н.С.Семенов. Образование: нормативность и рациональность (с. 74-78)

В.Г.Бондарев. Общественное знание в обновлении образования: холистско-синергетический подход (с. 79-90)

С.А. Крупник. Сравнительный анализ гуманитарного и естественнонаучного знания в педагогике. Проблема подходности. (с. 91-95)

Н.Э.Бекус-Гончарова. Образование в контексте идентификационных процессов (субъект образования как следствие концептуальной рамки) (с. 96-103)

Н.Л.Евдокименко. Проблема иного в пространстве современного знания (с. 104-112)

А.А.Меликян. Этика воспитания и мораль образования (с. 113-118)

К.В.Лядская. Понятие образования в историческом и герменевтическом аспектах (с. 119-122)

Е.Ю.Смирнова. Знание и власть сквозь призму "дискурса" (с. 123-130)

Социология образования

С.В.Костюкевич. Университет и его роль в подготовке интеллектуалов: размышления о массовости и элитарности (с. 131-144)

В.Е.Лявшук. Университет на рынке образовательного знания: эволюция структуры и технологии (с. 145-156)

А.В.Харченко. Апология традиционных методов обучения в современной системе высшего образования (с. 157-161)

Педагогика. Культурология образования

- В.А.Тюрина.** Формирование познавательной самостоятельности студентов в процессе решения познавательных задач (с. 161-171)
В.И.Турковский. Педагогическое знание студентов университета как фактор становления личности педагога-исследователя (с. 171-177)
Е.И.Федоренко. Формирование выводных знаний и логических умений студентов (с. 177-186)
Т.И.Краснова. Формы знания - содержание образования - формы коммуникации (с. 187-194)
Л.А.Яценко. Традиция как способ конституирования авторитета в научном и социальном мышлении (с.195-198)
Е.Н.Артеменок. Влияние эстетизации образовательной среды на формирование структур субъективности студента (с. 199-207)
С.М.Остроумова. Образовательный минимум (с. 208-211)
Е.В.Терещенко. Конструирование учебного знания в системе непрерывного экологического образования (с. 212-217)

Образование в контексте естествознания

- А.Н.Исаченко.** Учебное и образовательное знание в информатике (с. 218-224)
А.Н.Братенникова, Е.И.Василевская. Воспитывающий смысл химических знаний (с. 225-232)
Г.А.Гачко, Н.М.Попко, Л.Н.Хуторская, А.В.Хуторской. Взаимосвязь знаний и умений в подготовке специалиста-физика (с. 233-243)
Н.В.Михайлова. Методологические проблемы теоретической математики: три философских аспекта (с. 243-154)

Технологии в образовании

- Л.Г.Титаренко.** Современные технологии в обучении социальным дисциплинам (с. 255-260)
А.П.Клищенко, В.И.Шупляк. Концепция структуры и содержания учебников и учебных пособий по астрономии в вузах (с. 261-265)
В.Н.Бибило. Концептуальные подходы в определении структуры современных учебников для студентов юридических высших учебных заведений (с. 266-268)
А.А.Гусак, Е.А.Бричикова. Образовательное знание и концепции современного учебника высшей математики (с. 269-274)
В.А.Лиопо, Н.В.Матецкий, А.В.Никитин. Современные образовательные технологии. Учебные компьютерные задания как элемент формирования образовательной среды. (с. 275-281)
В.В.Шлыков. Формула наглядности В.Г.Болтянского и концепция дополнительности в геометрическом образовании (с. 292-298)
Н.И.Миницкий. Историческое учебное знание: проблемы конструирования и представления (с. 292-298)
Н.Н.Кисель, И.А.Медведева. Информационные технологии в процессе формирования учебного знания в философии (с. 299-305)
Ю.Э.Краснов. Концепция "проектного университета" как ответ на ситуацию общецивилизационного кризиса и смены образовательной парадигмы (с. 305-325)
Т.С.Трофимчук, М.Н.Покатилова, Л.А.Раевская. Формирование учебных знаний в процессе непрерывной подготовки в системе "училище-техникум-вуз" (с. 325-332)
А.Д. Король. Технология развития мыслительной деятельности учащегося в учебном диалоге с использованием компьютера (с. 333-341)
А.Д.Криволап. Конструирование социальной реальности в процессе учебной коммуникации при использовании современных образовательных технологий (с. 342-347)
Н.П.Хвесеня. Взаимосвязь методов обучения с ролью знаний в экономическом развитии (с. 348-354)
Сведения об авторах (С. 355-358)

Н.С.Семенов

Образование - система нормативная; определенным нормам подчиняется и сам образовательный процесс, и его результаты, и применяемые в нем средства, технологии и т.п. Эта нормативность воплощается в разного рода учебниках, методических пособиях и предписаниях, системах экзаменов и присвоения квалификации, программах и многом другом. Достаточно радикальное изменение этих нормативов означает если не революцию, то известную реформу системы образования. В то же время институт образования - один из самых рациональных в человеческой культуре; рациональность прежде всего и воплощается в способах хранения и передачи социально значимого знания (т.е. знания, участвующего в самом конституировании человеческого существа). Но разве это не одно и то же - рациональность и нормативность?

Автор и хотел бы различить данные понятия, настаивая на важности такого различения. Отсутствие последнего не позволяет проследить некоторые моменты процесса образования, значимые в плане перспектив, судеб этого процесса.

Хорошо известно, что множество нормативных актов, вводимых в той или иной системе, способно в конечном счете сделать ее нерациональной. И тогда возникает странный парадокс: для многих агентов поведение оказывается рациональным тогда, когда оно как раз ненормативно, ускользает от обязательных норм (некоторым образом «переигрывает» их, ускользает, явно не нарушая). К примеру, чтобы избежать наказания, некоторые родители заставляют своих детей делать то, что им не хочется, и наоборот.

наблюдая поведение некоторых политиков, слушая их речи, понимаешь: они действуют и говорят абсолютно нормативно, но никак не рационально.

Иными словами, бывают ситуации, когда нормативное поведение оказывается нерациональным (и выгоднее, и честнее, и достойнее нарушить норму, которая может скрывать за собой подлинную абсурдность); и, напротив, рациональное может оказаться ненормативным (в данной ситуации). В этом смысле иногда рациональное поведение может вызвать настоящий скандал. Более того, часто большинство людей действует вовсе не рационально, а исключительно нормативно, не рефлекслируя рациональность самих этих норм. Это не значит, что конфликт между нормативностью и рациональностью всегда имеет место, перманентен. Конечно нет, ибо в противном случае разрушилась бы вся ткань социальной жизни. Но тем более интересны те ситуации, в которых этот конфликт зреет или уже проявил себя.

Однако что мы понимаем под рациональностью? Разве ее собственные критерии не изменчивы? Да, но гораздо более медленно, чем нормы и нормативы. Так, картезианская рациональность (которая сводится, в общем-то, к требованию ясности и отчетливости, т.е. прозрачности, а также строгой методической контролируемости) господствовала на протяжении нескольких веков. Но за этим стоял и новый тип субъективности (строго говоря, трансцендентальная субъективность, излюбленный сегодня «топос» приложения деконструктивистских усилий). Поэтому говоря об этих двух понятиях - рациональность и нормативность - всегда необходимо вводить в рассмотрение и третье, субъективность.

Позднее М. Вебер различил целерациональные действия и ценностнорациональные. В первом случае мы действуем рационально, если у нас есть четкая, понятная цель и адекватные для ее достижения средства. Критерий здесь - эффективность, успех. Во втором случае мы действуем рационально, если поведение соответствует некоторой безусловно принятой нами ценности, которая и составляет основу нашей деятельности и жизни. Критерием здесь, скорее, является верность. Но опять-таки субъективность присутствует в обоих случаях, как бы стоит на заднем плане. Два других вида поведения, выделяемые Вебером - аффективное и традиционное - не предполагают действия с обязательно осознанным смыслом, поэтому здесь трудно говорить о еще двух видах рациональности в веберовском понимании.

Можно задаться вопросом: а не связан ли кризис в системе образования с девальвацией того типа рациональности, который лежит в ее основе?

Впрочем, и в отношении норм следует сказать, что есть нормы и нормы; есть просто нормативы, которые могут быть изменены сравнительно безболезненно, в любой момент - и есть нормы безусловные. Ну, например, правовая норма в смысле Канта; ведь это не что иное, как именно безусловное требование общественной защиты лица, возвышающееся над всеми резонами государственной целесообразности (т.е. как раз «рациональности» - с точки зрения Государства). Тут вообще можно обнаружить одно из различий нормы и критерия рациональности: норма требовательна, повелительна, императивна, тогда как рациональность регулятивна (и никто не является рациональным, так сказать, априори - иначе рациональны все). Поэтому же и гений не нормативен (следовательно, и «несовременен»), тогда как культура нормативна; так что гений - это драма культуры. В силу своей нормативности образование не «производит» гениев, это не его обязательная функция. Даже напротив, образование в каком-то смысле оберегает от «чумы гениальности».

Система (взятая как единство структуры и процесса) всегда соотносительна с рациональностью; тип системы определяет тип рациональности и наоборот. Поэтому нельзя изменить систему, не сменив тип рациональности. Конечно, можно различать рациональность процедур и рациональность организаций. Но и нормы различны, ибо можно говорить о нормах имплицитных, рутинно конституированных - и нормах эксплицитных, конструируемых и принимаемых сознательно. А нельзя ли саму рациональность понять именно как формальную нормативность - в отличие от всегда содержательных норм (среди которых также следует различать ситуативные и безусловные)? И, кстати, подобный прецедент имеется, если вспомнить понятие формальной рациональности по Веберу, специфичной для бюрократии. Тогда возможно объяснение случаев, когда человек, ориентирующийся на безусловную содержательную нормативность, не может, однако, ни реализовать ее в силу неблагоприятных обстоятельств, ни следовать не роняя своего достоинства более условной содержательной нормативности. И он - как к средству разрешения этого конфликта - обращается к рациональности в смысле формальной нормативности, которая не столь напрямую сталкивается с инстанцией власти, позволяя в то же время сохранить разумность. (Допустим, протопоп Аввакум следовал безусловной для себя содержательной норме, а не формальной нормативности; он действовал в высшей степени искренне, возвышенно. но не рационально. Не только его погубила инстанция власти, но он и сам себя вел к гибели).

Но здесь время обратиться к еще одной важнейшей категории, которую мы упомянули, - субъективности. Она отнюдь не полагает своей «царственной самовластностью» рациональности и не содержит ее в себе априори; рациональное для субъекта - это проблема; и в то же время - поразительная фактичность. Начать, впрочем, следует именно с автономной субъективности Нового времени. Она заявляет права на самогарантированность; это свободная суверенность. Но «исход» ее - тавтологичность и распад (если же верить М. Хайдеггеру - нигилизм. Но что такое нигилизм? - Все та же субъективность, лишенная всякой нормативности). Постмодерн и фиксирует, и подхватывает эту ситуацию: либо субъективность без

нормативности (значит, голый произвол и, в конечном счете, нигилизм), либо нормативность без субъективности (а это безбрежная гетерономия).

Заметим, что рациональность утрачивается в обоих случаях. Она утрачена в абсолютизации субъективности, автономия которой становится тавтологичной. Но она утрачена и в бесконечной игре различий, в безбрежной гетерономности правил, норм, законов. Что нормально здесь, не обязательно нормально там (точнее, обязательно там не нормально). Нет ничего соизмеримого, взаимопереводимого. Тотальное единство - тотальный плюрализм. Иррационально и то, и другое.

Значит (по крайней мере, такова наша гипотеза) по рациональности - как раз в напряженности между субъективностью и содержательной нормативностью. Рациональность переживает кризис или разрушение самой своей структуры, если субъективность и нормативность исключают друг друга - или если нормативное целиком поглощает субъективное. Но это также и «вина» рациональности, структуры которой должны были служить смягчению конфликта и даже, если угодно, ненасильственным (вспомним - неимперативная, но имеющая за собой авторитет разумности формальная нормативность) путем решения вопроса: как возможна субъективность, которая одновременно обладает и нормативной содержательностью? (Если обратиться к истории философии, то можно вспомнить гегелевское решение; это сфера нравственности, которая примиряет право, представляющее сторону нормативности, абстрактной всеобщности, и мораль, представляющей сторону особенной субъективности).

Таким образом, мы всегда должны учитывать и увязывать это три фундаментальных момента - субъективность, рациональность, нормативность. У каждого - свои суверенные права; т.е. ни одно не покрывает целиком территорию другого. Но поэтому же если вы хотите иметь «сильную рациональность» (допустим, жить в рационально организованном обществе, следующем ни принципу силы или сиюминутной выгоды, а разумным основаниям) - укрепляйте содержательную нормативность, но не за счет подавления субъективности. Однако это круг (но не порочный, а продуктивный, подобный герменевтическому), ибо сделать это можно лишь с помощью рациональных же структур. А если вы, напротив, хотите разрушить рациональность или вызвать ее кризис ... что ж, рецепт тоже известен: задушите свободную субъективность нормативностью - или сделав ставку на произвол субъективности, максимально разрушите нормативную базу.

Но каковы же выводы из сказанного (в том числе и в отношении образования)? - Возможно, они покажутся спорными и даже странными. Рациональность есть формальная нормативность; поэтому нельзя в общем виде сформулировать содержательные правила и процедуры, воплощающие и гарантирующие ее (делай то-то и то-то и твои действия всегда будут рациональны). Это своеобразная нормативность; она не требовательна, не императивна, ею нельзя повелевать («Будь рационален!»), а только побуждать или, если угодно, подсказывать (всегда с риском ошибки). Напротив, собственно нормативность императивна и содержательна; за нарушение нормы следует санкция. Норма определяет понятие нормальности (нормальный человек, нормальная жизнь и т.д.); нормальное противостоит отклоняющемуся, девиантному, крайние формы которого характеризуются как преступление (влекущее наказание и изоляцию) и безумие (влекущее надзор и опеку). Рациональное регулятивно и формально; за нарушение рациональности не следует обязательная санкция. И рациональное противостоит иррациональному, но последнее не суть «отклонение» (не случайно многими философскими течениями иррациональное относится к самой сути жизни - под именем спонтанности, непредсказуемости, слепой воли и т.п.). Отношение между рациональным и иррациональным - совсем иное, чем между нормальным и ненормальным.

Рациональность и нормативность (с их собственными оппозициями) - это два «вызова», брошенные субъективности (причем не только извне, но и изнутри нее самой). Без норм субъективность в действительности распыляется, теряет свою «субстанциональность». Нормативность становится голой принуждающей дисциплинарностью; обязывающий дискурс вытесняет дискурс аргументирующий (или порождает феномен «псевдоаргументации», когда истинные основания всегда скрыты в фигуре умолчания). Без развитых структур, рациональности она (субъективность) теряет свою рефлексивность, или не может ее реализовать; в конечном счете приходят в «расстройство» все ее параметры: автономность, автореферентность, рефлексивность, коммуникативность.

В результате развязываются и иррациональные, и репрессивные силы системы. Таким образом, рациональное ограничивает экспансию нормативности и освобождает поле развития субъективности. Одновременно оно «привязывает» нормативность к субъекту и удерживает последнего от эксцессов произвола. Но за счет чего структуры рациональности способны выполнять эту «посредствующую» функцию? - В силу своей формальной стороны рациональность способна ненасильственно влиять на субъекта; а обладая моментом нормативности, она связана и со сферой норм.

Вернемся к образованию. Если мы говорим о его кризисе (а наиболее выпукло он обнаруживает себя именно в университетском образовании), то проблему придется отныне ставить сразу в единстве этих трех измерений: кризис рациональности, лежащей в основе образовательной системы; кризис ее нормативной базы; кризис субъективности, для которой данная система образования была жизненно значима и которую последняя сама воспроизводила. Как найти их новое сопряжение, в котором только и может заключаться преодоление этого кризиса? Вот вопрос, который необходимо поставить перед собой.

может заключаться преодоление этого кризиса? Вот вопрос, который необходимо поставить перед собой.
